

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.1.9

EDN: RWKOUA

ДАЧИ ДЛЯ АКАДЕМИКОВ: ПРАКТИКИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА, 1930–1980-е гг.

**Долгова
Евгения Андреевна¹**

¹ Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

Для цитирования: Долгова Е. А. Дачи для академиков: практики распределения и организация пространства, 1930-1980-е гг. // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 1. С. 142–166. DOI 10.19181/smtp.2023.5.1.9. EDN RWKOUA

АННОТАЦИЯ

В статье на примере истории дачных посёлков академиков характеризуется эволюция принципов организации привилегированного дачного пространства в СССР. Автором исследуются практики распределения и организации ведомственных дач, предпринимается попытка вписать их историю в фокус повседневных коллективных и межличностных интеракций учёных, широкие социальные процессы переплетения элитарных и эгалитарных тенденций исследуемой эпохи. Получение «академических» дач было тесно связано с репутационной составляющей, общественным и профессиональным признанием и административным ресурсом конкретного научного работника. В этом отношении практики распределения и организации ведомственного дачного пространства закрепляли сложившуюся иерархию в советском научном сообществе. Принцип комплексной застройки (сосредоточение строительства в одном месте, в формате закрытого посёлка, с наличием ориентированной на посёлок инфраструктуры) имел следствием корпоративное обособление социально-профессиональных групп (в первую очередь, нобилитета). В конкуренции нескольких принципов – кооперации открытого и закрытого типа, ведомственного и частнохозяйственного устройства, права пользования и права личной собственности – проявлялись отчётливые черты советского общества: лимитированность ресурсов, бюрократизация системы распределения, неустойчи-

вость имущественных прав, однако сформировалось уникальное «неформальное» пространство «стародачных» посёлков. В основу исследования положен широкий круг неопубликованных источников (делопроизводство, документы личного происхождения) из фондов Архива Российской академии наук, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива литературы и искусства и др., впервые вводимых в научный оборот.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

советская привилегированность, стимулирование, сетевые связи, дачи, неформальное пространство, посёлки академиков

БЛАГОДАРНОСТИ:

Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 20-78-1009, проект «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

В романе Ю. Трифонова «Дом на набережной» есть замечательная цитата: «Иногда [профессор] Николай Васильевич ошеломлял Глебова поразительными заявлениями. Например, рассказывая о своей даче в Брускове и связанных с нею хлопотах (асфальтировку дороги безбожно затягивал поселковый Совет), он закончил неожиданно: «Через пять лет каждый советский человек будет иметь дачу». Глебов удивился, но возражать не стал»¹. На 1976 г. возможность иметь постоянный загородный дом оставалась привилегией, предоставляемой высокопоставленным лицам², тем более если речь шла о проживании в социально однородном ведомственном дачном посёлке – партийных работников, генералитета, деятелей науки и искусства.

Развернувшееся в 1930–1980-х гг. индивидуальное дачное строительство стало частью более широкой программы улучшения бытовых условий работников научного труда в те годы, когда возрастающее значение досуга расценивалось как важный признак благополучия всего общества [1, с. 162]. Создание же благоприятных условий летнего отдыха для учёных играло существенную роль в деле повышения производительности интеллектуального труда и совпадало с общими тенденциями социальной политики тех лет. Однако, разумеется, возможности организации досуга были различны. В этом отношении интересен кейс персональной «научной» дачи, получение которой обуславливалось репутационной составляющей – общественным и профессиональным признанием, увязывалось и с более конкретными – административными – контекстами. Именно обладание специфичным объектом загородной недвижимости – непереводаемым с русского языка и транслитерируемым как *dacha* – ярче прочего показывало отношение власти к учёному, силу его позиций и разветвлённость связей в административном и научном

¹ Трифонов Ю. Дом на набережной. [1976]. М.: Эксмо, 2000. С. 14.

² Следует отличать от «садоводческих товариществ», появившихся в конце 1940-х гг. и предназначенных для выращивания овощей.

поле. Дача являлась важным элементом советской системы привилегий – т. н. «большой сделки» между властью и отдельными статусными группами – в обмен на социально-экономическое благосостояние и комфорт гарантировалась политическая лояльность [2; 3]. В этом отношении микросюжет (изучение распределительных и организующих практик) может быть увязан с такими макрофеноменами, как политическая организация, социальная мобильность, реститутивность и социальная сплочённость в целом.

С другой стороны, частные пространства дач можно рассматривать как параллельные формы научного быта за пределами формальных институций. Акцент на зазоре между формальной и неформальной структурами, изучение советских пространств, где научные связи тесно сплетались с дружескими и семейными, где происходило общение специалистов по широкому кругу не только научных, но и политических, социальных и культурных тем [4], представляется очень продуктивным. Анализ межличностных (вертикальных и горизонтальных) связей позволяет наилучшим образом соединить микро- и макроуровень, обеспечивая перевод микровзаимодействий в макроструктуры и обратный переход к малым группам [5; 6; 7]. Необходимость выхода за пределы очерченной границы рабочего пространства и расширение сферы исследований путём изучения более разнообразных форм обитания науки, включая научный быт, параллельную социальную инфраструктуру и частную жизнь учёных, была обоснована в работах Д. А. Александрова [8]. В текстах В. А. Геровича [9] и М. Рогачёвой [10] рассматривалась приватность в советском обществе как потенциальная возможность выстраивания контркультуры. Однако, сосредоточившись на данных трактовках, авторы не ставили задачу изучения конкретного сюжета – «научной дачи»: уникального места – пересечения отдыха и работы, пространства особой корпоративной культуры с реститутивными механизмами и сетевыми взаимодействиями, наконец, как инструмента властного поощрения/стратификации/контроля над советскими учёными. Тем более внимание исследователей почти не привлекала тема ведомственных поселений научных работников [11] – дачных посёлков Академии наук СССР, наиболее показательных с точки зрения иерархии.

В данной статье на широком круге делопроизводственной документации и текстов личного происхождения будет последовательно охарактеризована эволюция советских ведомственных дачных поселений (от служебных дач до закрытых ведомственных посёлков). Вторым ракурсом станет изучение организационно-распределительных практик и ограничений, накладываемых в советской действительности на специфичную форму личной (в данном случае – дачной) собственности. Наконец, будет поставлен вопрос – существовала ли в дачных посёлках академиков некая специфическая корпоративная культура, объединяющая компактно проживающее сообщество, собранное по профессиональному признаку? Ответы на данные вопросы будут важны для характеристики научно-организационной политики исследуемого периода, более глубокого понимания советской социально-экономической политики и советской «привилегированности» (в ракурсе уточнения её границ и субъектов).

ЛЕТО НА КАЗЁННОЙ ДАЧЕ: ПРАВО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Собственно история ведомственного дачного жилья начинается в 1930-е гг., когда получили распространение т. н. «казённые» дачи³. Как правило, они выделялись научным работникам, занимавшим руководящие посты в организациях, в том числе в Академии наук СССР, Президиум и отдельные институты которой были переведены в Москву в 1934–1936 гг. [12] Однако «казённые» дачи предоставлялись не только руководящим работникам, но и учёным. Так, в 1934 г. была поддержана просьба о выделении из фонда Московского областного исполнительного комитета дач ленинградским академиком в качестве поощрительной меры их переезда в столицу⁴.

На 1938 г. на особом учёте состояло несколько ведомственных академических дач: «Николина гора», принадлежащая Президенту АН СССР (с 1936 г. – В. Л. Комарову), «Отдых» (две рядом стоящие дачи), «Малаховка», «Софрино» (2 дачи), «Лосиноостровская», «Удельная», «Тарасовка», «Болшево» (2 дачи), «Жаворонки»⁵. Дача предоставлялась руководящему работнику в пользование, оставаясь при этом на балансе жилищно-коммунального отдела Управления делами АН СССР. В документах отмечалось, что в большинстве этих дач ведомственного «имущества никакого» не было, а сами строения состояли из одного корпуса с возможной тесовой или дровяной пристройкой – сараем или сторожкой. Однако были и исключения, например, сохранилось описание дачи «Николина гора», принадлежавшей Президенту АН СССР: «Дача двухэтажная рубленая, внутри оштукатурена. В двух этажах 12 комнат»⁶. О её техническом оснащении упоминается в докладной записке коменданта П. Курусова от 4 октября 1940 г.: просьбу об увеличении оклада он обосновывал тем, что под его ответственностью находится имущество «более чем на 100 000 тысяч руб.», при даче был и гараж⁷.

Как служебная на Николиной горе была построена и дача для проживания удержанного в СССР академика Петра Леонидовича Капицы, занимавшего в то время должность директора Института физических проблем. В Архиве Российской академии наук и Государственном архиве Российской Федерации сохранилась многочисленная распорядительная документация, форсирующая её строительство⁸. Дошло до нас и её описание: «Дача 2-х этажная постройки 1939 г. общей кубатурой 1040 куб. м. на кирпичном фундаменте,

³ Большинство научных работников арендовали летнее жильё. Сохранился драматический документ – тарифные ставки на аренду дач Академии наук СССР на летний сезон 1941 г., дающий некоторое представление об условиях отдыха: желавшим арендовать дачу предлагались комнаты первой категории при станции «Отдых» – 20 руб., террасы 2-й категории (неостеклённые) – 9 руб. 50 коп., а комнаты в домиках барачного типа на станции «Жаворонки» – 14 руб. (всё – за квадратный метр). – Архив Российской Академии наук (далее – АРАН). Ф. 4. Оп. 1-141-42. Д. 4. Л. 5. Для большинства научных работников реальность летнего отдыха выглядела именно так.

⁴ АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1935. Д. 17. Л. 15–15об.

⁵ Там же. Оп. 1-1938. Д. 7. Л. 12–13.

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9542. Оп. 1. Д. 96. Л. 5.

⁷ АРАН. Ф. 4. Оп. 1-141-42. Д. 4. Л. 1.

⁸ Там же. Оп. 1-1937. Д. 13. Л. 2.

деревянными рублеными стенами, снаружи обшитыми тёсом, а внутри фанерой с раскладкой, кровля черепичная, отопление печное – голландское, с водопроводом, канализацией и ванной (электрифицирована)», «сарай – гараж деревянный, рубленый под железной крышей. Столярная мастерская – тесовая, кровля железная с открытой террасой» и т. д.⁹

Факт пользования (а не владения) дачей избавлял владельца от хлопот по поводу её строительства, последующего ремонта и инфраструктурного обслуживания, однако обеспечивал бесконечные ревизии состояния строения и участка, а также – потенциально предполагал возможность передачи их другому лицу. В этом отношении не защищал даже статус проживающего. Так, в 1950 г. попавшему в немилость (отказался от участия в атомном проекте) П. Л. Капице предложили освободить в недельный срок занимаемую им дачу, «принадлежащую Хозяйственному управлению Совета министров СССР» (была переподчинена во время эвакуации) с показательной формулировкой – в связи с «полученным нами указанием передать дачу другому лицу, обслуживаемого нами контингента»¹⁰. В деле сохранились подробнее акты ревизии хозяйственного состояния дачи, доводящие бытовую сторону жизни учёного до абсурда, – так, например, в документе указывались тщательно пересчитанные в присутствии П. Л. Капицы кусты земляники *sic!* (126 шт. стоимостью 143 руб. 34 коп.), смородины (23 шт. общей стоимостью 37 руб. 95 коп) и сирени – 175 шт. (2061 руб. 50 коп)¹¹. Столь же внимательны проверяющие были и к хозяйственному состоянию дачи. Частые ревизии, во время которых присутствие дачевладельца вне зависимости от его статуса и занятости было обязательным, приоткрывают иную историю научно-организационной политики – ракурс её распределительных и поощрительных практик, их бюрократического оформления, неустойчивости и субъективной зависимости выделенных благ при их символической обособленности. В этом отношении значимые персонажи советской науки, конечно, предстают в неожиданном повседневном ракурсе – «гулливерами» на квадратных метрах советской повседневности, опутанными сетями справок, ходатайств, бюрократических согласований и подчинённостей. Данный пример убедительно подтверждает тезис о том, что в исследуемый период научные структуры порой служили средством реализации далёких от науки задач – распределительных, воспитательных, контрольно-репрессивных [13, с. 82].

К счастью, кроме служебной, П. Л. Капице, наряду с другими академиками, после войны была выделена и персональная дача (дарственная по постановлению Совета Министров) в академическом посёлке «Абрамцево»¹². Только благодаря этому едва не отобранную служебную дачу удалось перевести в личную собственность. По воспоминаниям его жены А. А. Капицы, дача [на Николиной горе] «была казённой, но принадлежала нам, потому что, когда было сталинское постановление о том, что все академики получают в личную собственность дачи в Абрамцево, в Можинке и в Луцино, Петр

⁹ ГАРФ. Ф. Р-9542. Оп. 7. Д. 1326. Л. 1–2.

¹⁰ Там же. Л. 18.

¹¹ Там же. Л. 4, 9.

¹² ГАРФ. Ф. Р-9542. Оп. 7. Д. 1326. Л. 24.

Леонидович сказал, что ему в Абрамцеве дача не нужна – у него уже есть дача на Николиной Горе и он хочет, чтобы Академия наук обменяла её (то есть дача на Николиной Горе будет его собственная, а абрамцевскую он сдаст)¹³. В данном случае сыграла роль привычка: П. Л. Капице было жаль покидать Николину гору и обжитой дом, уже воспринимавшийся не как «казённый». Но, разумеется, дача в личной собственности была предпочтительнее ведомственной.

«ЗАЧИСЛИТЬ КАНДИДАТОМ»: ЗАКРЫТЫЕ ДАЧНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ КООПЕРАТИВЫ В 1930-е ГОДЫ

В 1930-е гг. появились и первые советские дачи в «собственности» – в эти годы она носила «паевой» характер. Дачу можно было построить, вступив в состав пайщиков дачно-строительных кооперативов. Кооперативы, организованные при каком-либо ведомстве или организации, получали т. н. *лимиты* из общего городского бюджета; недостающий оборотный капитал для строительства покрывался за счёт предварительных (паевых) взносов вкладчиков, банковских кредитов и других средств, поступавших кооперативу от учреждений, в которых работали пайщики [1, с. 168]. Конечно, так могли действовать только научные работники, обладавшие определённым капиталом для внесения паевого взноса. Хотя и его наличия порой было недостаточно.

Например, попасть в число пайщиков одного из первых дачных кооперативов закрытого типа – кооператива работников науки и искусства (РАНИС), располагавшегося на Николиной горе близ Звенигорода, на всём протяжении его истории было практически невозможно. Так, композитор, лауреат Сталинской премии Ю. А. Левитин методично подавал заявления о вступлении в кооператив в период с 1956 по 1976 г., – всего их было подано 11¹⁴. Несмотря на название, объединяющее представителей творческой и научной интеллигенции, на территории кооперативного посёлка «работников науки и искусства» располагались дачи политической, партийной, военной элиты. Возможно, именно вследствие этого факта в 1930-е гг. трагические события вносили свои коррективы в планы развития РАНИС, подчёркивая хрупкость права паевой собственности и её зависимость от политической конъюнктуры. Так, в 1937 г. практически одновременно освободилось четыре дачи (одна из них принадлежала В. А. Антонову-Овсеенко). Это трагическое событие вызвало ожидаемые интеракции соперничества: письма в инстанции различного ведомственного и иерархического характера. В письме учёного-биолога Н. М. Кулагина в Управление делами АН СССР отмечалось: «Я давно числился членом строит[ельного] кооператива Ранис (на Николиной горе Звенигор[одского] района). Надежды получить там дачу было очень мало. Было 13 кандидатов, из них по старшинству заявлений я был, кажется,

¹³ Зотиков И. Три дома Петра Капицы // Новый мир. 1995. № 7. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1995/7/tri-doma-petra-kapicy.html (дата обращения: 20.06.2022).

¹⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 3316. Оп. 1. Д. 126.

9-м. Сейчас неожиданно обстоятельства изменились: 4 дачи, бывших уже во владении ранее поступивших членов кооператива, реквизированы. Они по указанию НКВД должны быть переданы кандидатам. Из 13 кандидатов НКВД оставил только 4х, в том числе и меня (акад[емика] Баха, акад[емика] Брицке, меня и проф[ессора] Бриллинга). Таким образом, я могу получить дачу, но у меня для получения дачи нет семи тысяч. Не могу ли я получить из каких-либо средств семь тысяч с тем, что я обязуюсь уплотнить их из своего жалованья в течение 10 месяцев по 700 рублей в месяц»¹⁵. Одновременно в СНК поступило ходатайство Президиума АН СССР о предоставлении дачи 80-летнему академику А. Н. Баху с похожей аргументацией: «Как мы знаем, в настоящее время в посёлке Работников науки и искусства на Николиной горе имеются конфискованные дачи, которые по своему местоположению и оборудованности были бы вполне подходящими для А. Н. Баха»¹⁶. На данное ходатайство уже была наложена положительная резолюция, уточнявшая даже конкретное строение: «дача быв[шая] Антонова-Всеенко, Николина гора». Обращаясь к председателю РАНИС Н. А. Семашко с просьбой «зачислить кандидатом на освобождающуюся в ближайшее время дачу» физиолог Л. Н. Штерн просила выделить её, по возможности, поблизости с дачей, предоставленной А. Н. Баху¹⁷.

Как видно, членство в кооперативе не защищало пайщика, если в драматических условиях 1930-х годов он оказывался исключён из его состава: юридически право кооперативной собственности доминировало над правом личного пользования. Однако в годы реабилитации репрессированных в конкретных кооперативах был поставлен вопрос о правомерности действий по изъятию имущества. Например, в 1957 г. состоялось знаменитое общее собрание пайщиков РАНИС, на котором было принято решение о возврате участков или компенсации репрессированным и членам их семей. Так, были возвращены участки дочери расстрелянного А. Г. Шляпникова, семье расстрелянного А. И. Емшанова (взамен переданного семье Брилинг), после реабилитации Л. К. Копп в 1960-е гг. дача была возвращена её дочери, взамен отобранной дачи семье репрессированного А. И. Гайстера в конце 1980-х гг. был выделен участок, возвращена дача после смерти новых владельцев в 1972 г. была и семье репрессированного А. В. Чайнова. После реабилитации в 1970-х гг. семье В. А. Антонова-Всеенко был выделен участок в непосредственной близости от кооператива в посёлке Заречье¹⁸. Решение руководства РАНИС было, скорее, исключением из правила: чаще просьбы реабилитированных о восстановлении в имущественных правах не встречали поддержки¹⁹.

Как уже отмечалось, РАНИС – всё-таки был не вполне ведомственным, а скорее элитарным кооперативом закрытого типа. Для ответа на вопрос, как всё-таки соотносились кооперативное и ведомственное строительство и где

¹⁵ АРАН. Ф. 445. Оп. 9. Д. 554. Л. 1–1об.

¹⁶ Там же. Ф. 2. Оп. 1 (1938). Д. 80. Л. 2.

¹⁷ Там же. Ф. 1565. Оп. 2. Д. 142. Л. 1.

¹⁸ Музей // ДПК «РАНИС»: [сайт]. URL: <https://dpk-ranis.ru/history/museum> (дата обращения: 26.06.2022).

¹⁹ Дачный кооператив «Научные работники»: ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 1-а. Д. 16521.

обнаруживается тот момент, когда частнохозяйственная (экономическая) инициатива вступила в конфликт с социальным принципом корпоративного распределения собственности, обратимся к истории одного из крупнейших дачно-строительных кооперативов 1930-х гг. открытого типа – с говорящим названием «Академик».

«ПРОСИМ УЧИТЫВАТЬ НАУЧНУЮ ЗНАЧИМОСТЬ»: ОТКРЫТЫЕ ДАЧНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ КООПЕРАТИВЫ 1930-х ГОДОВ

Дачно-строительный кооператив «Академик», объединивший научных и инженерно-технических работников Академии наук СССР, был создан в 1935 г. В основу его проекта, как и в РАНИС, был положен принцип комплексной застройки – сосредоточение строительства в 1–2 местах, в формате дачного посёлка. В данном случае это обеспечивало экономию в стоимости строительства инфраструктуры, а также – «настоящий отдых, когда все работники и их семьи будут обеспечены питанием и всем культурным обслуживанием»²⁰. Однако, в отличие от РАНИС, данный кооператив был «для всех», в связи с этим письмо-приглашение к вступлению в кооператив было разослано максимально широко – «парторгам и профоргам учреждений Академии наук СССР»²¹. В итоге на 20 февраля 1935 г. был составлен предварительный список из 304 фамилий с перспективой его расширения в последующие полгода до 500–600 чел. (в связи с переводом из Ленинграда в Москву отдельных учреждений АН СССР)²². Список включал не только учёных, но и работников Академии наук СССР других категорий.

Кооперативом планировалось строительство комфортабельных дач – пятикомнатных (двухэтажных, с летней и зимней утеплённой частью), трёх- и двухкомнатных строений²³. Стоимость отдельной дачи из двух комнат определялась в 5 тыс. руб., трёх комнат – в 12 тыс. руб.²⁴ Изначально под строительство запрашивалось 60–70 гектаров земли. Однако руководство Мособлисполкома, от которого зависело утверждение сметы и участка строительства, отнеслось к предложенному проекту скептически. Указывая на то, что на строительство в 1935 г. кооперативу оказались выделены лимиты лишь в сумме 150 тыс. руб.²⁵, позволяющие построить «не более 18 дач, на которые возможно выделение 6 га», многочисленность представленного списка («механически зачислены все академики и весь обслуживающий персонал»), Мособлисполком просил предоставить список *конкретных имён* академиков, нуждающихся в дачах, с тем чтобы для них *персонально* найти участки вблизи Москвы по основным дачным магистралям (норма

²⁰ АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1935. Д. 20. Л. 12.

²¹ Сохранилось: Там же. Л. 5.

²² Там же. Л. 31.

²³ Там же. Л. 49.

²⁴ Там же. Л. 5.

²⁵ Частичное финансирование строительства взяла на себя Академия наук СССР – Там же. Л. 9–10.

земли на одну семью – 0,25 га)²⁶ (курсив мой. – *Е. Д.*). После долгих разбирательств под строительство кооперативу был выделен участок в Раменском районе (на 42-м км Казанской железной дороги между станциями Кратово и Раменское)²⁷.

Ряд претензий Мособлисполкома был справедлив. ДСК «Академик», действительно, не стал многочисленным – высокая стоимость строительства комфортабельных домов, отразившаяся в том числе на сумме паевого взноса, остановила многих сотрудников АН СССР, вероятно, на этапе составления списка внесённых автоматически. К 1937 г. в основном составе кооператива было всего 128 участников, в их числе – 15 действительных членов Академии наук, 54 профессора и доктора наук и 38 научных работников²⁸. Опасения Мособлисполкома относительно недостаточного финансирования, к сожалению, также подтвердились: в первый год кооператив смог выстроить всего 17 дач (2 из них передавались на баланс АН СССР) – в качестве причины указывалось систематическое непредоставление ему денежных лимитов, очевидное уже на этапе заявки²⁹.

В связи с этим проблема распределения дач оказалась очень остро поставлена уже в первый год работы кооператива³⁰. Несмотря на давность паевого стажа, дачу не получил сотрудник строительного управления Академии наук СССР Н. М. Платков. На текущее лето 1936 г. ему было предоставлено лишь временное право пользования верхним этажом чужой дачи, – как и другим 14 пайщикам, большинство из которых относилось к категории технического и административного персонала³¹. Отчаявшийся Н. М. Платков обратился в народный суд Ленинского района г. Москвы. Его заявление раскрывало в том числе мотивы вступления в кооператив: «Я старик, мне уже 74 года, в ДЖСКТ я вложил последние свои сбережения и посвятил ему 11 месяцев напряжённой бесплатной работы, активно содействуя строительству. Я проживаю на даче с женой, дочерью, двумя внучками, имея в Москве жилплощадь в доме, подлежащем в ближайшее время сносу на ул. Горького, 37. Поэтому дача является для меня единственным убежищем, где я могу провести остаток моей жизни»³². Вердикт народного суда был неутешителен, но показателен: «Иск не подлежит удовлетворению, так как при распределении дач учитывался не только уплоченный пай, а принимался во внимание стаж работы в Академии, *исходили из научной значительности каждого сотрудника в отдельности*. Выяснилось, что дачи получили профессора и академики, которые являются постоянными работниками Академии»³³ (курсив мой. – *Е. Д.*). Н. М. Платкову в

²⁶ Там же. Л. 9.

²⁷ АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1934. Д. 15. Л. 29; Оп. 1-1935. Д. 20. Л. 5. Возникла проблема размежевания с РЖСКТ «Красный техник» и «Авиажилстрой» – Там же. Л. 30.

²⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 1-1937. Д. 122. Л. 2, 7.

²⁹ Там же. Л. 7.

³⁰ ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 5. Д. 274. Л. 4.

³¹ Там же. Л. 1.

³² Там же. Л. Зоб.

³³ Там же. Л. 5.

марте 1937 г. удалось добиться проведения проверки работы руководства кооператива Центрожилсоюзом, отметившим «нездоровые, болезненные взаимоотношения между отдельными членами кооператива и отдельными членами правления и рев[изионной] комиссии»³⁴. Хотя в разгар проверок в СНК СССР поступило ходатайство Президиума АН СССР, обосновывающее право учитывать не только сроки погашения членами кооператива паяевой задолженности, но, главным образом, «научную значимость» членов кооператива для Академии наук и их работу в кооперативе³⁵, новое судебное разбирательство завершилось решением Верховного суда от 17 августа 1937 г., подтвердившим право пайщика Платкова на первоочередное получение дачи при новом распределении³⁶ и, соответственно, – победу кооперативного принципа над ведомственным.

С 1937 г. в документации фиксируется прекращение всякой юридической и экономической связи АН СССР с кооперативом «Академик»³⁷. Его окончательное превращение по итогам судебного решения в кооператив «открытого типа» привело к размыванию социально-профессионального ядра пайщиков: в жалобе 1946 г. отмечалось: «кроме научных работников (34%), подавляющее большинство членов (66%) никакого отношения к науке не имеет. В кооперативе, который именуется “Академиком”, действительных членов Академии наук и членов-корреспондентов только 9%, но зато 33% всякого рода “хозяйственников” – по преимуществу с низшим образованием»³⁸. Обвиняя кооператив в использовании «почётного и авторитетного» имени Академии наук СССР для «прикрытия своих злоупотреблений», Президиум АН СССР просил Мосжилуправление обязать руководство кооператива сменить наименование, запретить использование «академического» штампа и печати³⁹. Единичные дачи академиков и членов-корреспондентов, оказавшиеся в составе кооператива, были переведены из кооперативной в личную собственность⁴⁰.

В приведённом казусе примечательно многое, но прежде всего – конфликт ведомственного и кооперативного принципа распределения дачного жилья. Показательна и постановка вопроса о «персональном», а не кооперативном распределении дач. Наконец, важен ранний опыт создания закрытого посёлка, объединяющего членов конкретной социально-профессиональной группы – в данном случае, научных работников. Однако в полной мере все эти тенденции организации дачного пространства были реализованы во второй половине XX в.

³⁴ Там же. Л. 60б.

³⁵ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1937. Д. 122. Л. 3–5.

³⁶ ГАРФ. Ф. Р-9474. Оп. 5. Д. 274. Л. 21.

³⁷ АРАН. Ф. 4. Оп. 1-1946. Д. 20. Л. 8.

³⁸ Там же. Л. 1.

³⁹ Там же. Л. 6.

⁴⁰ Там же. Л. 2.

«ЕЛИ С СЕВЕРНОЙ СТОРОНЫ УСАДЬБЫ»: ДАЧНЫЕ ПОСЁЛКИ АКАДЕМИКОВ 1950–1980-х ГОДОВ

Задача обеспечения выдающихся представителей науки возможностью качественного отдыха и оздоровления была поставлена сразу после окончания Второй мировой войны. В обращении Президента АН СССР С. И. Вавилова к Председателю СНК СССР И. В. Сталину от 20 сентября 1945 г. отмечалось, что «тяжёлые бытовые условия во время войны и, особенно, в период эвакуации отразились на здоровье ведущей группы учёных – академиков, в частности, академиков пожилого возраста»⁴¹. АН СССР просила о возможности выделения 138 стандартных домов (4–5 комнат в каждом) из числа получаемых Советским Союзом от Финляндии по репарациям и разрешения передать указанные дома в собственность каждому академику с выплатой стоимости домов в 10-летний срок. Планировалось, что строительство дач будет произведено силами АН СССР.

Однако неожиданно было принято иное решение – о передаче дач в *безвозмездную личную собственность* действительным членам Академии наук СССР. В соответствии с Постановлением Совета народных комиссаров от 14 октября 1945 г. было указано выстроить 150 индивидуальных дач, в том числе 125 дач под Москвой и 25 дач под Ленинградом. Под строительство дач были отведены и переданы в бессрочное бесплатное пользование земельные участки от 0,5 до 1 га⁴². Указанным постановлением действительные члены АН СССР были освобождены от налога со строений и земельной ренты⁴³. На Президиум Академии наук возложена обязанность произвести распределение дач, после окончания строительства осуществить передачу их в собственность, управление же посёлками организовать на условиях хозрасчета⁴⁴.

В короткие сроки был определён список будущих дачевладельцев – в него вошли действительные члены АН СССР, однако позднее перечень подвергался корректировкам. Как упоминалось ранее, от дачи в посёлке Абрамцево отказался П. Л. Капица; академику С. А. Христиановичу также было разрешено построить в счёт 150 дач дачу у станции Отдых Казанской железной дороги⁴⁵. В качестве исключения уже в 1947 г. Совет Министров СССР выделил дачу почётному (а не действительному) члену Академии наук Н. Ф. Гамалея⁴⁶. В итоге после завершения строительства оказались не распределены (зачислены на баланс Академии наук) 10 отстроенных дач, не переданных академиком по разным причинам (в связи со смертью, отказом

⁴¹ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 385. Л. 1.

⁴² По воспоминаниям, практика раздачи земельных участков была «естественным актом победной эйфории... Среди общего количества подаренных дач основное место занимали генеральские дачи. Для них выделялись участки в гектар и в полгектара. Академики по величине выделяемых участков были приравнены к маршалам», – Георгий Александрович Заварзин: [здесь и далее – интервью Ю. Н. Абрикосовой] // Абрикосова Ю. Н. Посёлок академиков Абрамцево. М.: Изд-во МБА, 2014. С. 51.

⁴³ АРАН. Ф. 2172. Оп. 1. Д. 146. Л. 1.

⁴⁴ Там же. Л. 8.

⁴⁵ Там же. Ф. 681. Оп. 2. Д. 81. Л. 6.

⁴⁶ Там же. Л. 5.

от дачи, строительством дачи на юге по специальному разрешению и т. д.); 19 участков осталось незастроенными⁴⁷.

На заседании Президиума АН СССР от 1 ноября 1945 г. были утверждены следующие участки для строительства дач: участки в районе Звенигорода – у посёлка Мозженко на 40 дач и в районе Биостанции МГУ – 60 дач (будущий посёлок Луцино); участок в районе Абрамцево – 25 дач. Это были живописные места, покрытые хвойником и лиственным молодняком, вблизи рек и железнодорожных станций. В Ленинграде 25 дач академиков было решено вписать в посёлок Келломяки, расположенный на верхней террасе Финского залива. В 1948 г. в ходе компании по переименованию населённых мест Карельского перешейка посёлок получил название Комарово в честь умершего президента АН СССР. По легенде, выбор московских мест определялся любовью С. И. Вавилова к охоте – он хорошо знал места под Звенигородом⁴⁸, Абрамцево же выбрал искусствовед И. Э. Грабарь. Однако причины были объективны: транспортная доступность⁴⁹ и инфраструктура. Два проектируемых московских посёлка – Мозжинка и Биостанция (Луцино) – располагались близко к академическому санаторию «Поречье», что позволяло пользоваться кухней здравницы, упрощало вопрос охраны и обслуживания посёлка. Именно в этих местах предлагалось расположить максимальное количество дач⁵⁰. На выбор Абрамцево также повлияло нахождение вблизи академического санатория⁵¹. Тем же протоколом была утверждена смета в сумме 40 130 000 руб. на строительство дач, подъездных путей к ним и благоустройство дачных участков⁵².

Право предпочтительного выбора места постройки дачи (в одном из посёлков Москвы) оставалось за академиками⁵³. Однако, по одним воспоминаниям, «посёлок Абрамцево специально построили недалеко от закрытых институтов, расположенных по Ярославскому шоссе, и поселили в нём учёных, которые в них работали»⁵⁴, в Мозжинке и Луцино – преимущественно представителей социальных и гуманитарных наук⁵⁵. В других отмечалось сосредоточение в более «престижных»⁵⁶ Мозжинке и Луцино академиков, близких к Президиуму, – им предоставлялся выбор участков первым⁵⁷. Кто-то выбирал дачу в Абрамцево потому, что сюда всё-таки можно было доехать электричкой и от неё дойти до дачи; в Мозжинке тогда не было автобусного

⁴⁷ Там же. Ф. 2. Оп. 1-1954. Д. 78. Л. 12, 1.

⁴⁸ Мозжинка: [сайт]. URL: mozhinka.ru (дата обращения 26.06.2022).

⁴⁹ Хотя, судя по воспоминаниям, и она была условной: «До Луцино от центра Москвы было около 70 км и ездить приходилось по узкому, но не сильно загруженному тогда Минскому шоссе, затем поворот на посёлок Голицыно, а оттуда через железнодорожную станцию Звенигород ещё восемь километров», – Голицын Г. С. Ночь на чердаке в домике шофёра // Исследователь/Researcher. 2012. № 1–2. С. 60.

⁵⁰ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 385. Л. 49.

⁵¹ Георгий Александрович Заварзин // Абрикосова Ю. Н. Посёлок академиков Абрамцево... С. 50; Тамара Михайловна Штрикова // Там же. С. 67–68.

⁵² АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 385. Л. 34.

⁵³ Там же. Ф. 2019. Оп. 1. Д. 586. Л. 2; Ф. 610. Оп. 2. Д. 43. Л. 1.

⁵⁴ Георгий Александрович Заварзин // Абрикосова Ю. Н. Посёлок академиков Абрамцево... С. 51.

⁵⁵ Наталия Георгиевна Уразова // Там же. С. 164; Нина Александровна Калининкова // Там же. С. 60.

⁵⁶ Александр Михайлович Леонтович // Там же. С. 83; Вера Михайловна Леонтович // Там же. С. 199.

⁵⁷ Нина Александровна Калининкова // Там же. С. 61; Наталия Георгиевна Уразова // Там же, 2014. С. 164.

сообщения со Звенигородом, в Луцино – тоже⁵⁸. Отдельные респонденты отмечали, что участок избирался по принципу уединённости и отдалённости⁵⁹, важным фактором были лесистые участки⁶⁰. Для кого-то в силу религиозности определяющей для выбора Абрамцево была близость Загорска с его монастырём⁶¹.

За основу проекта индивидуальной дачи был взят самый большой по площади 10-й тип финских домов. По плану он состоял из двух небольших квартир, в советской версии они оказались объединены в одну индивидуальную дачу⁶². Типовая дача была двухэтажной, общей жилой площадью 100 кв. м.: 65 на первом этаже и 35 – на втором, мансардном. Предполагалось также пристроить к дачам по две террасы, одну остеклённую и одну открытую⁶³. В восточной зоне Германии закупалось санитарно-техническое оборудование дома – метлахские и глазурованные плитки, камины, бронзовая и осветительная арматура, фаянсовые изделия⁶⁴. На территории участка предполагалась застройка гаража на одну автомашину, сарая с ледником, беседки. Отопление дачи, сторожки и гаража предусматривалось печное, однако в Мозжинке – по согласованию с академиками – было проведено центральное. Остальная территория участка благоустраивалась под огород, фруктовый сад, цветник, спортплощадку, производилась разбивка дорожек и клумб, устраивались беседки и т. д. Каждый участок ограждался деревянным забором, в котором делались ворота и калитка. Для подъезда к участкам устраивались подъездные автогужевые дороги, проезды и т. д.⁶⁵ Планировалось, что посёлок будет электрифицирован, радиофицирован и телефонизирован⁶⁶. Из общепоселковой инфраструктуры планировались к постройке магазин, почта, контора и комендатура посёлка⁶⁷.

Кроме обязательного вопроса о желательном месте постройки дачи у академиков (москвичей), Центральное управление капитального строительства Академии наук СССР «Академстрой» уточняло другие важные нюансы: размер участка, отзыв о надворных постройках, о количестве жилых комнат в даче и планировке, об устройстве отопления в даче – печное или централизованное, даже пожелания относительно сортов плодовых деревьев и ягодных кустов, планируемых к высадке на участке. Как видно по документам, академики достаточно подробно отвечали на вопросы «Академстроя». Например, В. А. Кистяковский (помнивший дореволюционный усадебный быт) просил предоставить участок в Мозжинке «в сухом, по возможности высоком месте», высадить на участке яблочные, вишнёвые деревья, кусты черной смородины,

⁵⁸ Нина Александровна Калининкова // Там же. С. 60.

⁵⁹ Георгий Александрович Заварзин // Там же. С. 51.

⁶⁰ Федор Иосифович Григорьев // Там же. С. 75.

⁶¹ Галина Владимировна Левина // Там же. С. 182.

⁶² АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1945). Д. 385. Л. 43; Там же. Д. 384. Л. 1.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Там же. Оп. 1-1946. Д. 147. Л. 2, 115.

⁶⁵ Там же. Оп. 1 (1945). Д. 384. Л. 1.

⁶⁶ Там же. Л. 5–5об.

⁶⁷ Там же. Ф. 610. Оп. 2. Д. 43. Л. 1.

малинник и клубнику, обратить внимание на декоративные насаждения – кусты сирени и жасмин, с запада и востока – рябиновые деревья, с северной стороны «усадыбы» были желательны ели. Из надворных построек академик согласовал строительство маленького дома («комната для шофёра, две комнаты для сторожа (он же – дворник и садовник) и его семьи»⁶⁸), сарая для автомашины, кладовой для дров с подвальным помещением. От коровника анкетизируемый отказался, но просил о возведении небольшого курятника⁶⁹. Дома в посёлке были либо зелёные, либо голубые⁷⁰.

Как видно, само строение не было выдающимся: речь шла о двухэтажном домике в 100 квадратных метров. Однако сам факт наличия в собственности загородного дома, пригодного для круглогодичного проживания, был важен – хотя бы потому, что у многих академиков не было опыта дачной жизни ранее: «Мама очень хотела участок, и когда они получили дачу, началась такая эйфория!»⁷¹, «собственной дачи у нас не было. Мы снимали до войны и после 1943 г. одну комнату на даче в Кратове»⁷², дача «показалась немислимо роскошной. Наша жизнь во время войны была очень скромная... в Алма-Ате домик у нас был маленький саманный. Эта дача нам показалась как будто не из этого мира»⁷³. Воодушевляло и наличие на участке домика для персонала, отдельного гаража для автомобиля. Хотя последнее в воспоминаниях имело неоднозначные оценки («на самом деле Сталин замыслил, чтобы в домиках жили шофёры, одновременно сотрудники КГБ, и следили за академиками. Но у Академии наук не было денег всё это содержать»⁷⁴), а по прошествии времени и вовсе поменяло своё назначение – в дальнейшем «маленькие домики» передавались семьям выросших детей, родственникам и знакомым, использовались самими дачевладельцами в зимнее время вместо «большой дачи» для экономии отопления.

При проектировании дач были установлены следующие сроки сдачи строительства (с окончанием всех внутренних сантехнических и отделочных работ): по Москве – 40 дач к 15 октября 1946 г., 40 дач к 25 декабря 1946 г., 45 дач к 1 апреля 1947 г.; по Ленинграду – 25 дач к 31 декабря 1946 г.⁷⁵ Однако в связи с задержкой по поставке финских домиков и непоставкой министерством промышленности стройматериалов сроки строительства оказались сорваны. Тот факт, что задержка строительства выпала на зиму 1946/1947 г., оказал влияние на его качество. Как писал 21 декабря 1946 г. заместителю министра строительства военных и военно-морских предприятий А. Н. Прокофьеву академик-секретарь Н. Г. Бруевич о своём визите на стройку в Мозжинке 1 декабря 1946 г., «элементы и детали дач развезены по участкам и лежат около каменных фундаментов в снегу, покрытые снегом, а многое и просто

⁶⁸ Александр Михайлович Леонтович // Абрикосова Ю. Н. Посёлок академиков Абрамцево... С. 81.

⁶⁹ АРАН. Ф. 610. Оп. 2. Д. 43. Л. 5–6.

⁷⁰ Юрий Михайлович Овчинников // Абрикосова Ю. Н. Посёлок академиков Абрамцево... С. 146.

⁷¹ Нина Александровна Калининкова // Там же. С. 64.

⁷² Георгий Андреевич Бочвар // Там же. С. 89.

⁷³ Лидия Васильевна Фесенкова // Там же. С. 93–94.

⁷⁴ Александр Михайлович Леонтович // Там же. С. 81.

⁷⁵ АРАН. Ф. 2. Оп. 1-1946. Д. 147. Л. 2.

в талой воде... они сыреют, коробятся, размокают и растериваются, а сборка идёт крайне небрежно. В силу этого качество собранных дач будет очень низкое»⁷⁶. Однако, несмотря на все недочёты и задержки строительства, его ход тщательно документировался – в том числе в фотографиях (не передающих драматичности самого процесса)⁷⁷.

В 1948 г. строительство было завершено, а дачи оформлены в «безвозмездную личную собственность». Однако право владения обременялось несколькими важными обстоятельствами. Во-первых, указанием на организацию управления посёлками на условиях хозрасчёта. Уже на первом собрании дачевладельцев посёлка «Мозжинка» для организации и начала работы Управления был определён единовременный взнос в оборотные средства с каждого дачевладельца в 1000 руб.⁷⁸ Сумма была значительная и некоторые дачевладельцы не смогли её внести. Ещё более обременительными оказались коммунальные платежи. На основании решения общего собрания от 9 июля 1948 г. были установлены следующие расценки: выплата в 536 руб. в месяц, включая расходы на центральное водяное отопление (211 руб.), водоснабжение и канализацию (95 руб.), административно-управленческие расходы (194 руб.) и эксплуатационные расходы с уличным освещением (35 руб.). Дополнительно дачевладельцем оплачивались: 1) расходы по страховке зданий, гаража и сарая, которые составляли по оценке сооружений в 132 712 руб. сумму в 531 руб. в год; 2) расходы на топливо для гаражей-сторожек; 3) расходы на электроосвещение дач и гаражей. С момента пуска в действие центрального отопления с 1 октября 1948 г. были введены дополнительные платежи (дачи отапливались централизованно, вне зависимости от того, проживали в них зимой домовладельцы или нет). Дополнительную сумму Правление рекомендовало заложить на обеспечение охраны индивидуальных дачных участков: в Мозжинке общепоселковая охрана осуществлялась одним постом милиции Звенигородского райисполкома и тремя ночными сторожами, нанятыми Правлением посёлка⁷⁹. Общая сумма содержания дачи (только коммунальных платежей и расходов на общепоселковые нужды) выходила значительная. Неудивительно, что с выплатами у отдельных дачевладельцев возникли сложности: в 1949 г. уже отмечались задолженности за дачевладельцами по эксплуатационным расходам. К концу 1940-х гг. начались первые продажи дач академиками или их наследниками, в числе причин этого шага указывалась обременительность платежей⁸⁰.

Однако и продать дачу оказалось не так просто: предпринятые юридические шаги по сохранению социально-профессиональной однородности посёлков стали вторым ограничивающим личную собственность обстоятельством. Постановлением от 9 марта 1949 г. за № 965 Совет министров СССР предоставил Академии наук СССР преимущественное право приобретения дач, построенных за счёт государства и переданных безвозмездно в личную

⁷⁶ Там же. Л. 108–108 об.

⁷⁷ Там же. Ф. 661. Оп. 2. Д. 38.

⁷⁸ Там же. Ф. 681. Оп. 2. Д. 81. Л. 11.

⁷⁹ Там же. Л. 17.

⁸⁰ Там же; Ф. 610. Оп. 2. Д. 43.

собственность академиком, в случае возможной продажи их дачевладельцами или их наследниками⁸¹. Приобретение дачевладений производилось каждый раз по разрешению Президиума АН СССР. Сделка же совершалась по инвентаризационной оценке, процесс которой был достаточно длительным, а сумма по её итогам зачастую была ниже реальной «рыночной» стоимости. В 1971 г. в дачном посёлке академиков Комарово возникло целое судебное разбирательство по поводу продажи дач без согласования с Академией наук⁸². Как отмечалось в документе, после смерти отдельных академиков их наследники начали продавать части дач или сдавать их в аренду лицам, не имеющим связи с Академией наук⁸³. Продажа зачастую оформлялась по стоимости выше инвентаризационной оценки: в одном случае оценка составляла 3 тыс. 300 руб., дача же была продана за 18 тыс., из которых в 3 тыс., например, в договоре была оценена библиотека⁸⁴. Кроме того, нарекания вызывали продажа или передача отдельными дачевладельцами в аренду посторонним лицам маленьких домиков и гаражей⁸⁵. В итоге было принято прецедентное решение, что преимущественное право Академии наук на приобретение дач в посёлке относится не только к дачам, построенным за счёт государства и переданным в собственность академиком, но и к другим дачам, построенным на территории посёлка Комарово⁸⁶.

Наконец, третьим ограничивающим право личной собственности обстоятельством был контроль за перепланировками. Он был настолько тщательным, что, по воспоминаниям, «на арендованных и собственных дачах нельзя было вырубать деревья и сажать картошку, морковку в промышленных масштабах. Можно было разбивать цветники, устанавливать скамеечки»⁸⁷. Острота этой проблемы усугубилась в 1970-е гг.: увеличение числа наследников дач вело к необходимости дополнительных пристроек в условиях невозможности прямого размежевания. Каждый раз решение по перепланировке требовало согласований. В уже цитируемом деле 1971 г. о нарушениях в посёлке Комарово такое внимание к перепланировкам объяснялось попыткой поставить под контроль нетрудовые доходы – арендные платежи за дачи и гаражи, перестроенные под жилые помещения, с несколькими кухнями, санитарными узлами, отдельными входами и т. д.⁸⁸

Однако, несмотря на все ограничения, отстроенные в конце 1940-х гг. дачные посёлки академиков в Мозжинке, Абрамцево, Луцино и Комарово стали своего рода визитной карточкой благополучной жизни и заслуженного отдыха академиков. В посёлках организовывались индивидуальные и коллективные фотосессии⁸⁹.

⁸¹ Там же. Ф. 2. Оп. 1 (1954). Д. 78. Л. 20.

⁸² Центральный государственный архив г. Санкт-Петербург (ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 46. Д. 364.

⁸³ Там же. Л. 7.

⁸⁴ Там же. Л. 7.

⁸⁵ Там же. Л. 7.

⁸⁶ Там же. Л. 5.

⁸⁷ Галина Владимировна Левина // Абрикосова Ю. Н. Посёлок академиков Абрамцево... С. 179.

⁸⁸ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 46. Д. 364. Л. 10, 21.

⁸⁹ АРАН. Ф. 1702. Оп. 6. Д. 196. Академики, проживающие в дачном посёлке Мозжинка. 33 портретных фотографии и список дач.

«ДАЧА-ЛАБОРАТОРИЯ»: НА ГРАНИЦЕ ФОРМАЛЬНОГО И НЕФОРМАЛЬНОГО

Опыт создания закрытого посёлка, объединяющего членов конкретной социально-профессиональной группы – в данном случае научных работников, имел особое значение для формирования особой культуры «почётного» научного труда. Дачные посёлки должны были стать местом уединённой и продуктивной работы научной элиты. Как отмечалось в воспоминаниях, «предполагалось, что здесь академики будут работать... Отойти от дел и по методу великих предшественников иметь домашнюю лабораторию, необременённую склоками и административными обязанностями»⁹⁰.

Возник удивительный казус: для многих учёных дача вместо того, чтобы быть местом отдыха от рабочих обязанностей, стала основным рабочим местом, где они трудились над текстами, встречались со своими учениками и обменивались идеями с коллегами. Конечно, это общение чаще имело характер «узкого, парного, выбранного по совпадению каких-то интересов и взглядов»⁹¹. В первую очередь, учёные нуждались в одиночестве, а не в дополнительном общении. Последнего было с избытком в Москве – многие из академиков являлись соседями по московским квартирам, встречались на заседаниях Академии, комиссий⁹². Именно поэтому обязательный для любого советского посёлка «клуб» – Дом учёных, который служил местом общения, – был построен только в Мозжинке. В его стенах проводились концерты столичных артистов, в кинозале на 200 мест демонстрировались фильмы, работала детская комната, популярностью пользовались бильярдная и столовая с талантливым поваром-грузином [14]. Напротив, атмосфера Абрамцево была совершенно иной: «никакого шума на улице, никакого движения на ней. Велосипедисты сильно не поощрялись. ... Это было место для тихой работы. Никакие шумы не должны были выноситься за пределы участка»⁹³.

Конечно, пространство ведомственного дачного посёлка жило особой жизнью, привилегированной по сравнению с бытом за его пределами. В Мозжинке действовал медпункт от ЦКБ РАН, в котором работали опытные врачи [13, с. 79]. По данным К. Келли, в 1970-е гг. лучшие магазины Ленинграда (Елисеевский гастроном, магазин «Диета» на Загородном, «Стрела» на Новоизмайловском) обеспечивали доставку продуктов на дачу в три посёлка – Репино, Комарово и Солнечное: «обслуживали они членов партии с такого-то года... работников обкомов, горкомов и райкомов партии, Академии наук... вы могли всё это... звонить по телефону, и вам домой привозили всё, что нужно» [15, с. 346–347]. Дачи Москвы были прикреплены к гастроному «Елисеевский», откуда в посёлки также привозили «заказы»⁹⁴. Набор продуктов был стандартный: «полкило сливочного масла, 1 кг мяса, полкило колбасы или ветчины, килограмм или два сахара, рыба деликатесная холодного или горячего копчения, дорогие шоколадные конфеты.

⁹⁰ Георгий Александрович Заварзин // Абрикосова Ю. Н. Посёлок академиков Абрамцево... С. 53.

⁹¹ Там же. С. 59.

⁹² Там же. С. 57.

⁹³ Там же. С. 56–67.

⁹⁴ Тамара Павловна Тимофеева // Там же... С. 115.

Была крупа типа дефицитной тогда гречки, фрукты (1 кг), какие-то рыбные консервы (шпроты, сайра)⁹⁵. К торжественному случаю можно было заказать сырокопчёную колбасу, красную и чёрную икру, вино и водку⁹⁶. В таком более или менее хорошем виде заказы продолжались до перестройки, но постепенно, по воспоминаниям, они становились всё хуже: «мясо стало неудобоваримым, рыба исчезла, и т. п. Заменялось это всё больше крупой и консервами вроде болгарских голубцов и перцев, иногда тушёнкой или “пекинской уткой”. Но хорошие конфеты и ванильный зефир ещё присутствовали, было “Юбилейное” печенье – тоже дефицит. В период перестройки количество консервов всё увеличивалось, причём это были “Завтрак туриста”, килька в томате, и тому подобные “деликатесы”. И тогда я перестала эти заказы брать»⁹⁷. В воспоминаниях геофизика Г. С. Голицына отмечалось наличие в дачном посёлке Луцино специального распределителя продуктов для академиков и членов-корреспондентов, где «раз в неделю давали мясо, рыбу, творог и другие молочные продукты и деликатесы перед праздниками»⁹⁸. В Абрамцево магазина не было вплоть до перестройки: «ходили или ездили на велосипеде в ближайшие магазины – возле музея и в генеральском посёлке. Помню очереди, которые выстраивались на улице в ожидании привоза молока»⁹⁹, появившийся в годы перестройки поселковый магазин был не вполне хорош: «Продавали там какие-то крупы, например, пшено грязного цвета и серые макароны, которые при варке бесследно растворялись в воде, получалось нечто типа клейстера. Ни фруктов, ни овощей не было, молочные продукты завозили редко, иногда бывало разливное подсолнечное масло»¹⁰⁰. Интересно, что обеспечение продуктами в том числе зависело от должности: Г. С. Голицын писал: «После 1987 года, когда я стал академиком, к выдаваемым продуктам иногда прибавлялись разные деликатесы. Однако не следует думать, что там бывало что-то изысканное... зять [в очереди. – Е. Д.] услышал такой разговор: «Здравствуйте, Андрей Дмитриевич! Давненько вас не было! – Сюда ходит обычно Елена Георгиевна, но сегодня она приболела и просила зайти меня. Она просила взять побольше творогу, хорошего кофе и чаю. – Чая у нас не бывает, кофе только что кончился, а лишнюю пачку творога я вам дам: её не взял академик ММ». ... Стоявшая передо мной жена одного из академиков попросила увиденную ею бутылку оливкового масла, редкого тогда продукта, и услышала: «Оливковое масло только вице-президентам!» Я подошёл следующим и тихо спросил: «А нельзя ли мне как члену президиума, академику?» Бутылка была мне вручена»¹⁰¹. Эта цитата характеризует нормированный и не вполне широкий ассортимент продуктов, вписывающийся в образ советской привилегированности. Он усугублялся дефицитом: привилегированность оказывалась жёстко нормирована.

⁹⁵ Евгения Николаевна Шор // Там же. С. 386–387.

⁹⁶ Наталия Михайловна Тихонравова // Там же. С. 315.

⁹⁷ Евгения Николаевна Шор // Там же. С. 386–387.

⁹⁸ Голицын Г. С. Ночь на чердаке в домике шофёра... С. 60–61.

⁹⁹ Нина Сергеевна Павлова, дочь Наталья Дмитриевна Павлова // Абрикосова Ю. Н. Посёлок академиков Абрамцево... С. 100–101.

¹⁰⁰ Евгения Николаевна Шор // Там же. С. 387.

¹⁰¹ Голицын Г. С. Ночь на чердаке в домике шофёра... С. 61.

Загородная вольница дачного посёлка предполагала комфорт общения и более широкие возможности неформальной коммуникации – в том числе с коллегами и учениками. Дачи воспринимались как тёплое пространство, сокровенное воспоминание, объединяющей была и атмосфера [14]. Так писала о первом впечатлении об академическом посёлке Абрамцево жена математика Л. С. Понтрягина: «Посёлок чистый, весь в зелени, дорожки бетонированы, обочины покрыты чудесным травяным ковром... Птиц уйма, комаров тоже»¹⁰². Изначально в посёлке получили дачи люди, воспитанные в одной системе ценностей. Их взгляды были более или менее едины. Едины были и нормы поведения. Позже здесь появились новые поколения – дети, внуки, правнуки, однако, несмотря на смену фамилий, они были известны под фамилиями первоначальных владельцев дач¹⁰³. Примером для них служили их родственники, добившиеся всего в жизни собственным, в данном случае умственным, трудом. По воспоминаниям, «умственный труд вызывал уважение, кроме того, в кругу академиков он приносил материальные блага. Поэтому занятия такого же рода для детей и внуков были естественны, другого, в общем-то, не предполагали. Например, в нашей компании не было двоечников, все окончили школу, поступили в институты. Вот из-за этого единого взгляда на мир и получилось, что все мы тут одна большая семья»¹⁰⁴. Эта атмосфера не замыкалась исключительно на семейном круге. В текстах личного происхождения содержатся частные упоминания о поездках аспирантов и молодых сотрудников на дачи своих старших коллег, о щедрых столах и неторопливых беседах¹⁰⁵. Именно за пределами официальных структур, в коммуникативном пространстве самых разнообразных научных интересов возникали возможности для обсуждения и реализации межинституциональных и междисциплинарных проектов. Например, именно в Мозжинке была организована первая Школа по моделированию сложных биологических систем, проводились IV и V школы [16]¹⁰⁶. В их работе принимали участие основоположник кибернетики А. А. Ляпунов, математик А. М. Молчанов, генетик Н. В. Тимофеев-Ресовский и другие выдающиеся учёные.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Практика распределения дачных участков была продолжена и в 1950–1980-е гг., однако постепенно её широта утрачивалась. В качестве закрытого («секретного») был построен, а точнее растворён, в совминовском посёлке

¹⁰² Понтрягина А. И. Из воспоминаний о Льве Семёновиче Понтрягине // Математическое образование. 2008. № 3 (47). С. 2–26.

¹⁰³ Дмитрий Андреевич Лундин // Абрикосова Ю. Н. Посёлок академиков Абрамцево... С. 264.

¹⁰⁴ Сергей Юрьевич Старк // Там же. С. 262.

¹⁰⁵ Зотиков И. Три дома Петра Капицы // Новый мир. 1995. № 7. URL: Три дома Петра Капицы — Журнальный зал (gorky.media) (дата обращения: 20.06.2022).

¹⁰⁶ Материалы: Математическое моделирование в биологии: материалы I Всесоюзной школы по математическому моделированию сложных биологических систем, (пос. Мозжинка, март 1973 г.) / Отв. ред. А. М. Молчанов; АН СССР, Науч. совет по пробл. биосферы. М.: Наука, 1975. 156 с.

«Жуковка» посёлок физиков-ядерщиков «Энергетик». В 1955 году (распоряжением Совета министров СССР от 9 мая 1955 г.) и в 1967 г (решение Президиума Совета министров СССР от 12 декабря 1967 г.) были выделены 40 земельных участков в посёлке Ново-Дарьино Московской области, их размер уже был меньше – 0,25 га каждый¹⁰⁷. В начале 1990-х гг. началась нарезка участков в новом посёлке «Раменское»¹⁰⁸. На 1993 г. в посёлке «Мозжинка» было зарегистрировано 76 академических дач, в посёлке Абрамцево – 58 дач, Ново-Дарьино – 180 дач, в поселке Луцино – 50 дач¹⁰⁹.

Происходившие в начале 1990-х гг. процессы «акклиматизации» к новым экономическим условиям затронули и дачный ландшафт. На конец советского периода в ведении Академии наук СССР, в 1991 г. переименованной в Российскую академию наук, состояло 6 дачных посёлков (Мозжинка, Луцино, Абрамцево, Ново-Дарьино, Жуковка, новый посёлок Раменское и посёлок Комарово в Ленинградской области)¹¹⁰. На их территории находились не только строения владельцев-пайщиков дачного кооператива, но и объекты инфраструктуры дачных посёлков, построенные за счёт централизованных средств Академии наук СССР. С 1990-х гг. началась работа, с одной стороны, по разделению этих видов собственности, с другой – по оформлению земли и коллективной инфраструктуры в коллективное пользование Российской академией наук¹¹¹. Посёлки располагались в престижных обжитых местах Московской и Ленинградской области, обладавших ощутимой ценностью на рынке загородной недвижимости. И, конечно, они привлекали внимание представителей новых экономически сильных групп. Этого опасались владельцы дач: «очень скоро в дачных посёлках будут действовать слаженные, сильные, хорошо обеспеченные финансами руководящие группы, которые никакого отношения к Академии не будут иметь, и очень скоро академики, члены Академии будут чувствовать себя там крайне неуютно»¹¹². Приводились и конкретные примеры размывания социального облика посёлков: «Например, на нашей улице кто-то купил участок, построил 4-этажный дом, который только по фасаду занимает 48 окон. Вы представляете себе дачу!»¹¹³. Именно в эти годы предпринимается последняя попытка сохранения обособленного мира дачных посёлков – на уровне выработки механизма контроля над наметившимся процессом продажи дачных участков и дачных строений *не-сотрудникам и не-членам* Академии наук. В развернувшихся на заседании Президиума РАН дискуссиях обсуждались вопросы унификации уставов дачных посёлков, принцип преимущественной продажи сотрудникам Академии наук, а в случае отсутствия покупателя – выкупа участка Управлением делами РАН за счёт внебюджетных

¹⁰⁷ АРАН. Ф. 2172. Оп. 1. Д. 146. Л. 1.

¹⁰⁸ Там же. Ф. 2. Оп. 31. Д. 97. Л. 36–37.

¹⁰⁹ Там же. Д. 2172. Оп. 1. Д. 122. Л. 1.

¹¹⁰ Там же. Ф. 2. Оп. 31. Д. 175.

¹¹¹ Там же. Л. 90.

¹¹² Там же. Л. 89.

¹¹³ Там же. Л. 95.

средств с последующей реализацией и даже запрет для сторонних покупателей-не-членов кооператива пользоваться коллективной инфраструктурой. Однако данная попытка не удалась, в долгосрочной перспективе дачи ждала приватизация.

Таким образом, история академических дачных посёлков демонстрирует особенности внутренней организации советского научного поля и специфику его внешнего (социального) контура.

С одной стороны, практики распределения дач и организации ведомственного дачного пространства закрепляли сложившуюся иерархию в советском научном сообществе. Многие учёные получали поощрение, льготы и привилегии более чем заслуженно и благодаря материальному поощрению имели возможность сосредоточиться на работе. С другой стороны, в советской системе привилегий с её весьма специфичными механизмами распределения и закрепления собственности обладание дачей превращалось в частный, но, возможно, самый показательный инструмент поощрительных, стратификационных, контролирующих практик советской модели управления наукой, построенной на манипулировании привилегиями, создании различий внутри научного сообщества, имущественной иерархии.

Приоритет ведомственного принципа распределения жилья над кооперативным (экономическим) сформировал устойчивую связь дачевладельца с ведомствами, обеспечивающими доступ к благам и привилегиям. Её же усилили ограничения, наложенные не только на ведомственные дачи, но и на единственно возможную в СССР форму собственности – личную. В конкуренции нескольких принципов – кооперации открытого и закрытого типа, ведомственного и частнохозяйственного устройства, права пользования и права личной собственности – проявлялись отчётливые черты советского общества: бюрократизация системы распределения, спорность имущественных прав (в том числе наследования), специфические принципы организации внутри- и внешнепоселковой коммуникации. В этом отношении и с учётом проведённого анализа строительства и последующего обеспечения быта дачных посёлков можно говорить только об условной степени «комфортности» владений: она не совпадает с представлениями о роскоши и комфорте не только с последующими поколениями загородных домов постсоветской России, но и с синхронными условиями жизни элиты за рубежом, формируя устойчивый образ «советской привилегированности».

Ещё одним следствием организации дачного пространства стало появление и развитие параллельных форм научного быта за пределами формальных институций. Принцип комплексной застройки (сосредоточение строительства в одном месте, в формате закрытого посёлка, с наличием закрытой, ориентированной на посёлок инфраструктуры), в основе которого лежало стремление к эргономичной организации пространства, обернулся корпоративным обособлением социально-профессиональных групп, однако сформировал уникальное «неформальное» пространство «стародачных» посёлков. В его основе лежали нерациональные ценностные аспекты социальной жизни, не чувствительные к стимулированию и санкционированию, а потому

формирующие особую культуру и темп жизни. С размыванием социального состава дачевладельцев в 1990-е гг. её специфика во многом оказалась утрачена.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ловелл С.* Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000 / Пер. с англ. Л. Г. Семёновой. СПб. : Академический проект : Изд-во ДНК, 2008. 347 с.
2. *Dunham V. S.* In Stalin's time. Middleclass values in Soviet Fiction. Cambridge, 1976. 283 p.
3. *Fitzpatrick S.* Stalin and the making of a New Elite, 1928–1939 // *Slavic Review*. 1979. Vol. 38. P. 377–402.
4. *Герович В. А.* Кухня и дача: пространство для «математического» образа жизни в СССР // История науки и техники. Музейное дело : материалы XV Международной научно-практической конференции. 8–9 декабря 2021 г. М. : Политехнический музей, 2022. С. 344–349.
5. *Грановеттер М.* Сила слабых связей // Классика новой экономической социологии / Под ред. А. А. Радаева. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. С. 71–96.
6. *Granovetter M.* Economic action and social structure: the problem of embeddedness // *American Journal of Sociology*. 1985. Vol. 91 (3). P. 481–510.
7. *Granovetter M.* The strength of weak ties // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. P. 1360–1380.
8. *Александров Д. А.* Историческая антропология науки в России // Вопросы истории естествознания и техники. 1994. № 4. С. 3–22. EDN SVVUOZ.
9. *Gerovitch S.* Parallel worlds: Formal Structures and Informal Mechanisms of Postwar Soviet Mathematics // *Historia Scientiarum*. 2013. Vol. 22, № 3. P. 181–200. EDN XZXGJO.
10. *Rogacheva M.* The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1977. 211 p.
11. «...Наградить учёных, инженеров, конструкторов за выполнение спецзадания правительства»: Воспоминания М. П. Дьячковой об истории дачного посёлка учёных-ядерщиков. 1950–2005 гг. // Отечественные архивы. 2009. № 3. С. 82–93. EDN KXCCXT.
12. *Долгова Е. А.* «Маленькие» хлопоты «большого» переезда: жилищное обеспечение перевода Академии наук СССР из Ленинграда в Москву // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 3. С. 726–741. DOI 10.21638/11701/spbu24.2022.313. EDN XBRKРJ.
13. *Пушкарёва Н. В.* Когда зарплаты были большими: материальное поощрение советских учёных в 1921–1953 гг. // Российская история. 2016. № 6. С. 69–82. EDN XSANЕV.
14. *Зайцева Е.* Еловая шишка – билет на концерт // Родина. 2018. № 7. С. 64–65. EDN XRLTYT.
15. *Келли К.* Петербург: тени прошлого. М. : Academic Studies Press, 2021. 735 с.
16. *Титлянова А. А.* Школы по математической биологии 1973–1992 гг. // Компьютерные исследования и моделирование. 2016. Т. 8, № 2. С. 411–422. EDN VXMFBR.

Статья поступила в редакцию 15.10.2022.

Одобрена после рецензирования 16.01.2023. Принята к публикации 23.01.2023.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Долгова Евгения Андреевна *medievalis@list.ru*

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

AuthorID РИНЦ: 585343

ORCID: 0000-0002-3902-7142

Scopus AuthorID: 57195965998

Web of Science ResearcherID: E-7791-2017

DOI: 10.19181/smtp.2023.5.1.9

DACHAS FOR ACADEMICIANS: PRACTICES OF DISTRIBUTION AND ORGANIZATION OF SPACE, 1930–1980s.

Evgeniya A. Dolgova¹

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

For citation: Dolgova, E. A. (2023). Dachas for Academicians: Practices of Distribution and Organization of Space, 1930–1980s. *Science Management: Theory and Practice*. Vol. 5, no. 1. P. 142–166. DOI 10.19181/smtp.2023.5.1.9

Abstract. In the article, by the history of dacha settlements of academicians, the evolution of the principles of organization of privileged dacha space in the USSR is characterized. The author examines the practices of distribution and organization of departmental dachas, attempts to fit their history into the focus of everyday collective and interpersonal interactions of scientists, broad social processes of intertwining elitists and egalitarian tendencies of the epoch under consideration. Obtaining “academic” dachas was closely related to the reputational component, social and professional recognition, and the administrative resource of a particular researcher. In this regard, the practice of departmental suburban space consolidate the established hierarchy in the Soviet scientific community. The principle of complex development (concentration of construction in one place, in the format of a closed settlement, with the presence of a settlement-orient infrastructure) resulted in corporate isolation of socio-professional groups (primarily the nobility). In the competition of several principles – open and closed type cooperation, departmental and private economic structure, the right of use and the right of personal property - distinct features of Soviet society were manifested: limited resources, bureaucratization of the distribution system, instability of property rights, but formed a unique “informal” space of “old-timers” settlements. The research is based on a wide range of unpublished sources (clerical work, documents of personal origin) from the funds of the Archive of the Russian Academy of Sciences, the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of Literature and Art, introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Soviet privilege, incentives, networking, dachas, informal space, dacha; Academy of Science, USSR

Acknowledgment: The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation, no. 20-78-1009, the project “Soviet science as an industry: personnel, infrastructure, organizational and managerial practices (1920–1970s)”

REFERENCES

1. Lovell, S. (2008). *Dachniki: istoriya letnego zhit'ya v Rossii, 1710-2000* [Summerfolk: a history of the dacha, 1710–2000]. Transl. from Eng. L. G. Semenova. St-Petersburg: Akademicheskij proekt: DNK publ. 347 p. (In Russ).
2. Dunham, V. S. (1976). *In Stalin's time. Middleclass values in Soviet Fiction*. Cambridge: Cambridge University Press edition. 283 p.
3. Fitzpatrick, S. (1979). Stalin and the making of a New Elite, 1928–1939. *Slavic Review*. Vol. 38. P. 377–402.
4. Gerovich, V. A. (2022). Kukhnya i dacha: prostranstvo dlya «matematiceskogo» obraza zhizni v SSSR [Kitchen and dacha: a space for a “mathematical” lifestyle in the USSR]. *Istoriya nauki i tekhniki. Muzejnoe delo: materialy XV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoj konferentsii. 8–9 dekabrya 2021 g.* [History of science and technology. Museum business. Proceedings of the XV International Scientific and Practical Conference on December 8–9, 2021]. Moscow. P. 344–349. (In Russ).
5. Granovetter, M. (2014). *Sila slabyx svyazei* [The strength of weak ties]. *Classics of the New Economic sociology*. Moscow: HSE publ. P. 71–96. (In Russ).
6. Granovetter, M. (1985). Economic action and social structure: the problem of embeddedness, *American Journal of Sociology*. Vol. 91 (3). P. 481–510.
7. Granovetter, M. (1973). The strength of weak ties. *American Journal of Sociology*. Vol. 78. P. 1360–1380.
8. Aleksandrov, D. A. (1994). Istoricheskaya antropologiya nauki v Rossii [Historical Anthropology of Science in Russia]. *Voprosy istorii estestvoznaniia i tekhniki*. Vol. 4. P. 3–22.
9. Gerovitch, S. (2013). Parallel worlds: Formal Structures and Informal Mechanisms of Postwar Soviet Mathematics. *Historia Scientiarum*. Vol. 22, no. 3. P. 181–200.
10. Rogacheva, M. (1977). *The Private World of Soviet Scientists from Stalin to Gorbachev*. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 211 p.
11. «...Nagradiť uchenykh, inzhenerov, konstruktorov za vypolnenie spetsadaniya pravitel'stva»: Vospominaniya M. P. D'yachkovoï ob istorii dachnogo poselka uchenykh-yadershchikov. 1950–2005 gg. [“...To reward scientists, engineers, designers for fulfilling the special task of the government”: Memoirs of M. P. Dyachkova about the history of the dacha village of nuclear scientists. 1950–2005] (2009). *Otechestvennyye arhivy*. Vol. 3. P. 82–93. (In Russ).
12. Dolgova, E. A. (2022). “Small” Troubles of “Big” Movement: The Housing Issue During the Transfer of the USSR Academy of Sciences from Leningrad to Moscow. *Modern History of Russia*. Vol. 12, no. 3. P. 726–741. DOI 10.21638/11701/spbu24.2022.313 (In Russ).
13. Pushkareva, N. V. (2016). When salaries were really big: material incentives for Soviet scientists, 1921–1953. *Russian history*. No. 6. P. 69–82. (In Russ).
14. Zaitseva, E. (2018). Elovaya shishka – bilet na kontsert [Fir cone – concert ticket]. *Rodina*. No. 7. P. 64–65. (In Russ).

15. Kelli, K. (2021). *Peterburg: teni proshlogo* [St. Petersburg: Shadows of the Past]. Moscow: Academic Studies Press. 735 p. (In Russ).

16. Titlyanova, A. A. (2016). Schools on mathematical biology 1973–1992. *Computer Research and Modeling*. Vol. 8, no. 2. P. 411–422. (In Russ).

The article was submitted on 15.10.2022.

Approved after reviewing 16.01.2023. Accepted for publication 23.01.2023.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniya A. Dolgova *medievalis@list.ru*

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Principal Investigator, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

AuthorID RSCI: 585343

ORCID: 0000-0002-3902-7142

Scopus AuthorID: 57195965998

Web of Science ResearcherID: E-7791-2017